

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: “ЧУВСТВУЮ БЛИЗОСТЬ СМЕРТИ, МНЕ ХОЧЕТСЯ СКАЗАТЬ...”

Из малоизвестных и забытых “индийских” фактов

Мы можем принять или не принять все его взгляды и теории, но если будем думать о них, частичка его мудрости и величия сойдёт на нас.

Дж. Неру, на торжественном вечере в память Толстого

Лев Толстой... Всяк в мире чтит нашего творца-мыслителя. Но многие ли знают о его особых увлечениях Индией? За все времена толстоведения лишь две научных книги и всего-то несколько такого рода статей, но ничего для массового читателя.

РАЗДЕЛ I. О 63-летней ИНДИЙСКОЙ ХРОНИКЕ Л. ТОЛСТОГО

За два месяца до смерти, то есть 7 сентября 1910 года из тульской деревни Кочеты, где Толстой коротко пожил у дочери Татьяны, от него в Индию ушло многостраничное письмо с изложением очень важных для двух стран взглядов на жизнь и политику.

Индия напечатала письмо вскоре, но тогда, когда уже не стало Толстого.

Его сердце чуяло кончину – в самом начале письма шло то, что я претворил в заголовок своего очерка.

Так что же хотел он сказать индийцам, а в России – своим соотечественникам об Индии?

ВЕХИ: СТРОЧКА ПЕРВАЯ – СТРОЧКА ПОСЛЕДНЯЯ

Очень захотелось мне узнать, когда внимание Л. Толстого впервые обратился к Индии. Столь же интересным было узнать, нашлось ли ей место в самом последнем году его жизни. Тогда бы получилось измерить его индийские пристрастия на полную длину.

1851. Строчка от Толстого первая! Самое первое упоминание Индии из-под пера Толстого сыскал я в самом первом – вот же как! – томе знаменитого 90-томника его сочинений.

“Индостан” – вывел он, когда переводил “Сентиментальное путешествие” англичанина Стерна. Газеты тогда сообщали, что Британия продолжала расширять свои колониальные владения.

Когда же Толстой-просветитель стал приобщать к Индии своих соотечественников? Это 1855 год, статьи “О народном образовании” и “Прогресс и определение образования”. Здесь Индия представлена и как великая древняя цивилизация, и как страна, которую завоевала Британия.

Откровения в письмах. Переписка Толстого... Самое первое письмо пришло из Индии к Толстому в совестливом порыве получить совет, как дальше жить, – выделю – от офицера-англичанина, одного из 200 тысяч охранителей колонизаторского режима.

Индия ещё только искала политические и нравственные дороги к освобождению. Как и в России, здесь многое шло от писателей. Тагор утверждал с прискорбием: “Какая же всё-таки несчастная, Богом забытая наша страна, где не хватает простой воли к действию! Истоцилась способность мыслить, чувствовать, ослабли страсти...”

И вот ответ Толстого англичанину: “Наша жизнь так коротка, и сила разума, которая в нас, так велика, что не стоит жить, поступая неправильно...” Толстой знал, что в тот год Британия захватила Читрал и подавила восстание в Манипуре.

Писано письмо из Индии потому, что Толстой – духовный пастырь многих. Уже давно читаемы и почитаемы “Война и мир”, “Анна Каренина” или, например, “Плоды просвещения”, “Крейцера соната” и очищающая совесть публицистика: “Так что же нам делать?” и “Чем люди живы”...

Тема “индийских” писем Толстого прозвучит у меня ещё не раз.

Дневники. Объявляю с особым чувством: Индия прописана в дневниках Толстого на постоянное жительство. В них многие десятки раз что-то в связи с индийским чувствами-переживаниями их автора. Всего “индийского” из дневников для моего очерка не вычерпать. Я выбираю наугад 1895 год. Запись 21 февраля – здесь мысль, что нельзя быть солидарным с Англией, которая угнетает Индию. Или в следующем году (31 июля): “Было письмо от индуса Тода и прелестная книга индийской мудрости”. Речь шла о труде прославленного Свами Вивекананды “Философия йога. Лекция о раджа-йоге, или Овладение внутренней природой” (издана в США); но я обязан и такое обнародовать – в 1908 году в дневнике появилось: “Вивекананда мало удовлетворяет. Дуже умён”.

Новый век – запись: “1 января 1901 г. Москва. Пишу утром/.../ Читал “Six systems of Indian Philosophy”. И остаюсь равнодушен”. Речь о книге немца М. Мюллера “Шесть систем индийской философии”. 1905 год – эхом разгрома Японией русской эскадры в дневнике (19 мая) строчки о том, что только “преимуществом технических военных усовершенствований” была побеждена (колонизована) Индия. 3 июля 1906 года: “Индусы покорены англичанами: они могут жить без англичан, а англичане не могут жить без них”... Какая же с ходу заставляющая задуматься мысль великого стратегического обогащения! 20 октября он восхищается архитектурой индийских храмов и поэзией, затем выделил “искусство слова” Будды наравне с Христом. 29 декабря – снова восхищение духовным миром этого народа, на этот раз “браминской мудростью”. Он видит её на вершине мировой духовности в одном ряду – внимание! – “с мудростью Китая, буддизма, стоицизма, Сократа, христианства” (всё это можно всячески оспорить, однако надо знать об этих размышлениях). Или 9 марта 1909 года запись о своих творческих планах: “1) Очерк Индия, её истории и теперешнего положения, 2) Легенды Кришны и 3) Изречения Кришны”.

Не всё, однако, удаётся разгадать в дневниках. Вот запись: “Храм в Индии строит Яков, врач”. Жаль, что нет к этой строчке никакого комментария.

Тема “индийских” дневников Толстого прозвучит ещё не раз.

Что публицистика? Выделю: Индия не раз становится активным “действующим лицом” в статьях Толстого, и быть этой теме далее многожды. Сейчас заявлю для “затравки” то, что меня поразило с особой силой: как в одно связывал-увязывал Толстой беды своего народа и индийского. “О жизни” – философский трактат 1888 года (замечу: более 130 книжных страниц) – так здесь

пять раз объясняется отношение к понятию “жизнь” в индийской религиозной философии. Следующий год: статья “Пора опомниться”. Она бурлит и клокочет озабоченностью страданиями русского человека от голода и лишений. И тут же отсыл к индийцам с их “горстью риса”. И вдруг обличение того, что сословия “господ” и “мужиков” в таком же социальном противопоставлении, как в Индии касты “кшатриев и париев” (поясню: кшатрии высшая военная знать, парии – бесправные, угнетённые). И обличения Британии: “кормится колониями”. 1901: статья “Голод или не голод?” Публицистика потрясающей взрывчатой силы: российская власть не может и даже порой не хочет спасти крестьянство от голода. И Толстой тут же напомнил о голоде в Индии: “Болезни, смерть”.

Что в великой прозе? В ней тоже эхо индийской увлечённости Толстого и явно желания напоминать читателям об этой стране. “Из записок князя Неклюдова. Люцерн”. Здесь монолог при упоминании Индии с обличением тех “цивилизованных”, кто “проливает кровь” и “совершает преступления”. Рассказ “Суратская кофейная” и начинается – то со строки “Была в индийском городе Сурате кофейная...” “Крейцера соната” в страстных рассуждениях о смысле жить вдруг поминает буддизм (критически: “неверие в возможности достижения счастья”), тут же и о том, что весьма сходны обычаи устройства браков родителями в России и Индии, есть и о совпадении нравственных устоев. “Сказка об Иване-дураке и его двух братьях...” В ней причудливый сказ чертенёнка о том, как он поспособствовал, чтобы один брат попросился у своего царя “завоевать индийского царя”, да осечка вышла: тот же чертенёнок сделал всё, чтобы “победил индийский царь”. Читателям было раздолье искать “мораль сей сказки”.

Выделю “Войну и мир”. В этом бездонном романе идут в сценах начала войны 1812 года реплики французской солдатни, что Наполеон, покорив Россию, покорит Индию.

ОСОБЫЙ АПРЕЛЬ В ГОД СМЕРТИ

Индия в завершающих дневниках. Здесь то и дело: “Пока жив”, “Жив, тоскливо”, “Жив, но плох” и ещё, ещё подобное при не раз выписанном сокращении “е. б. ж.” – “если буду жив”.

На этом фоне осталось ли желание приобщаться к Индии? Осталось, и в избытке. Вот запись “12 февраля: “Написал плохо письмо Буланже о Будде”. Речь о предисловии Толстого к статье этого известного тогда индолога о Будде; попутно замечу, что этот знаток Индии упомянут в этом последнем дневнике более 10 раз. 17 февраля этот же сюжет в записи 7-8 марта: “Я слаб бываю нервами. Всё хотелось плакать/.../ при чтении Будды”. 12 марта: “Прочёл письмо своё Индусу и очень одобрил”. 16 сентября: запись “Перевод Ганди”, увы, никаких пояснений, но и того достаточно, что упомянут великий вождь индийского антиколониального движения. 23 сентября: “Читал Макса Мюллера “Индийская философия”. Какая пустая книга”.

Октябрь. Последний месяц жизни. Выделю: он прожит, судя по дневнику, в немалых размышлениях об Индии. Например, мысли о бесконечности смены поколений всего сущего на земле увязаны с традициями Индии.

Завершающая запись в “Дневнике для одного себя” (17 октября). Толстой упоминает о книге древнеиндийского философа и писателя: “Читал Шри Шанкара...” Этой строчке предшествовало: “Чувствую себя нравственно хорошо. Помню, кто я”. Но на следующий день в дневнике иное: “Всё то же тяжёлое отношение страха и чуждости”.

До кончины оставалось всего – то 20 дней.

Но не только дневником запечатлены завершающие у него индийские интересы-запросы.

Журнал. Самый последний – завершающий! – факт “индийской” биографии Толстого... Если побывать в его яснополянском рабочем кабинете, а он сохранён в том виде, в каком навсегда прощался со своим хозяином, можно разглядеть на полке – она над письменным столом – среди всяких разных изданий один индийский журнал. И он был читан. Да с похвалой...

Записки Душана Марковицкого. Увы, не рассказать обо всём, что числится в завершающем годе “индийской” жизни Толстого. Это займёт десятки страниц. Решаю так: изберу лишь один какой-либо месяц, например, апрель.

“Индийские” факты этого месяца я заимствую из “Яснополянских записок” в 4-х томах замечательного словака **Маковицкого** (1866–1921), секретаря Толстого. Этот чужеземец догадался, как много потеряет человечество без “стенографирования” жизни нашего гения, и потому приехал в Россию на 6 лет. И день за днём, а то порой час к часу не расставался с карандашиком, да при этом всячески скрывал эти свои намерения.

Первая “индийская” его запись в последнем для жизни Толстого апреле – 3-е число. Толстой провёл беседу о Будде, о секте джеилистов, о браминах и о современном мыслителе Рамакришне. О нём отзывался так: “Изречения его хорошие”.

С кем беседа? С приехавшим в гости знатоком Индии Павлом Буланже.

Наиважное признание. Приобщимся к “индийским” событиям 11-12 апреля. Идёт письмо единомышленнику В. Черткову: “Занимаюсь немного подготовлением народных книг об Индии и Китае...” Это он перечитывал, как разъяснено в комментариях, “Священные книги Востока”. Догадываюсь: задумана некая просветительская хрестоматия. Жаль, не успел.

18 апреля. Из записок Маковицкого: “Л. Н. рассказал про второй номер еженедельной индийской газеты “The Garlylean”, сегодня полученной. Там две статьи его и сочувственное сопровождение к одной из них”.

“От Индуса”: **Махатма Ганди!** 19 апреля. Читаю: “От Индуса и книга, и письмо, выражающее понимание всех недостатков европ<ейской> цивилизации, даже всей негодности её”.

Это – о Ганди! Кто же этот Ганди, что стал для Толстого столь прочной душевной потребностью в общении? Однажды Толстой признался: “Очень близкий нам, мне человек”. Он мыслитель и идеолог борьбы за свободу Индии от колонизаторов, и будет своим народом коронован именем Махатма, что значит Великая Душа, впрочем, как узнаем дальше, и Толстого именно так будут величать в Индии.

Итак, Маковицкий запечатлел особый интерес нашего великого мыслителя к книге индийского великого мыслителя: “Л. Н. прочёл вслух отдельные места из книжки...” (Внимание, читатели: в этой записи, подчиняясь нехитрому сюжету – хронике, – я лишь упоминаю о факте. Как эти два мыслителя обогащали друг друга, тому должен быть посвящён специальный раздел).

Снова Ганди – неоднократно. 20 апреля. Книга Ганди не отложена. Маковицкий запомнил: “Л. Н. сказал мне об этой книжке: “Прочтите её, Душан Петрович”. Я всю исчеркал. Интересно”.

21 апреля. Толстой снова размышляет о книге Ганди: “Л. Н. хвалил и рекомендовал перевести книгу, и сказал, что напишет предисловие к переводу”. Увы, не дано было свершиться столь нужному для России замыслу.

22 апреля. Маковицкий: “За обедом Л. Н. рассказывал про книгу Ганди: “Как Ганди описывает, что, когда он был мал, его заставляли мясо есть. А мать ему внушала не курить, не пить и от половой жизни воздерживаться. Это у них было ухарством – есть мясо, чтобы показаться цивилизованным. Ганди – религиозный, высокорелигиозного понимания жизни. Он не брамин, а из купцов. В Англии презрительно относились к нему как к жёлтому и требовали тюрбан снимать. Это книга о нём как о знаменитом руководителе революции, борьбы непротвления против Англии. Я нынче всё утро читал”.

25 апреля. Напомню: в дневнике Толстого рассказано о том, что пишет письмо для Ганди – подписал: “Ваш друг и брат Л. Толстой”.

Наиважное: в последние 300 с небольшим дней своей жизни Толстой сто с лишним раз обращается к Индии.

ВСТРЕЧИ, БЕСЕДЫ, ПИСЬМА...

Не миновать вопроса – откуда Толстой черпал свои познания об Индии. Там он, как известно, не был.

Общение с учёными. О добрых отношениях Толстого с Буланже я уже писал. Лев Николаевич был знаком с индологом Минаевым. Минаев считал себя последователем Толстого. Прочтём же, как первая встреча происходила: “В тот же день Лев Николаевич пешком прошёл из Ясной Поляны (в Тулу. – **В. О.**) и всё остальное время – часов 5-ть-6-ть – провёл в номере гостиницы, где останавливался Иван Павлович... Толстой ставил Ивану Павловичу целый ряд актуальных вопросов”. Минаев снабдил своего духовного наставника книгами об Индии, в том числе своего авторства.

Ещё один выдающийся индолог (тогда говорили: “индианист”) оказался причастным к насыщению Толстого индийскими знаниями – Сергей Ольденбург. К этому времени он и один из лучших знатоков фольклора Индии, и руководитель издания “Собрания оригинальных и переводных буддийских текстов” в 26 (!) томах.

Ещё факт: в 1909-м некая москвичка Л. Б. Хавкина-Гамбургер переслала Толстому свою книгу “Индия”. В ответ – письмо с благодарствиями.

Общение с журналистами (индийскими) Мне досталась книга Д. Джекмантана “Там, за Гималаями”. “Среди корреспондентов, поддерживающих регулярную переписку с Ясной Поляной, – пишет автор, – можно назвать Мухамеда Садыка, редактора лахорского издания “Ревью оф релиджн”; Сурендранатха Муккерджи, редактора издаваемого в США журнала “Лайф оф Индия”; Д. Гопала Четти, редактора мадрасского журнала “Нью реформер”; профессора Рамадевана, редактора “Веянта саньситей” на тамильском языке; Абдуллы Чакраварти, редактора издававшегося в Лондоне журнала “Лайф оф ворд”.

Стоит заметить, что все они переписывались с Толстым задолго до того, как Ганди проложил свою почтовую дорожку в Ясную Поляну.

Рассказы путешественников. Жаден был Толстой познавать современную ему Индию. Путешественники по Индии отчитывались перед Толстым, и он от них набирался живых впечатлений. От Минаева многое получил. Приезжал в Ясную Поляну даже бывший консул в Бомбее. Приехал некто Матвеев. Уж не знаю, как и что он рассказывал об Индии, но Толстой назвал его в дневнике “скучный господин”. Зато когда пожаловал А. Корсини, Толстой созвал крестьян. Позаботился, чтобы и они послушали о диковинной стране.

ГИМН ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Будем знать весьма примечательное признание Толстого (в одном из писем): “С большим интересом и пользой для моей духовной жизни прочёл я все встретившиеся мне браминские религиозные книги”.

Всех жанров и направлений! Мне посчастливилось побывать в яснополянской библиотеке. Бродил меж полок – и сколько же книг об Индии и из Индии!

Художественная литература, к примеру, проза “Свет Азии” Э. Арнольда, стихи “Нирвана” П. Каруса, поэма П. Калионова “Будда”.

Множество политических книг, например, “Управление Ост-Индской компании” Д. В. Кэя. Познавательная литература – это “Страна Вед” Г. Персивака и Д. Дюбуа “Описание характера, поведения и обычаев народов Индии”.

Буддизм. Он представлял Толстому во многообразии. Тут тебе авторы Индии: Средневековья, к примеру, Шри Шанкара; из современников – С. Бхикшу “Буддийский катехизис для введения в учение Будды Готама” и книги Рамакришна Парамаханса и его ученика Свами Вивекананда. Здесь же труды немцев Г. Ольденберга “Будда, его жизнь, умение и община”, М. Мюллера “Шесть систем индийской философии” и две книги Б. Фрейданка “Малый буддийский катехизис” и “Буддийская незабудка”, есть и книга американца Л. Хэрна “Зёрна, подобранные на нивах буддизма”.

Улавливаю, что он стремится знать народное творчество Индии. Получил книгу Минаева “Сказки и легенды, собранные в Камаоне” и живо откликнулся: “Очень благодарен”. Сергей Ольденбург об этом узнал и тоже одарил томом индийских сказок в своём переводе.

Выделю выдающиеся эпосы “Махабхарату” и “Рамаяну”. Да не просто читал, но как-то даже самолюбиво вступился сам за себя, чтобы отвергнуть упрёк одного индийского учёного, что-де он, Толстой, не приемлет идей “Махабхараты”: “Мне жалко было заметить, что вы думаете, будто я не согласен с основными положениями Бхагават-Гиты о том, что человек должен направлять все свои духовные силы на исполнение долга”.

И он ничуть не ошибся в таком утверждении. Сравним: “Это призыв к действию, необходимому для выполнения обязанностей и долга, всегда имея, однако, в виду духовную основу”. Это высказывание первого руководителя освободившейся от колонизаторов Индии Дж. Неру. Между прочим, он и такое заметил в своей книге “Открытие Индии”: истинная оценка эпоса не сразу была найдена даже на родине.

Толстой читал и “Сакунталу” великого поэта Калидаса. Да ещё как внимательно! Об этом рассказал Маковицкий. Но не ждите благости – Толстой сказал:

– Нам непонятно. Это всё очень трудно<...> Не производит впечатления.

Я осознанно пропустил одну фразу, пометив многоточием, – для обострения сюжета. Так в пропущенном высказывании, как уразумел, ключ – сугубо профессиональный! – к тому пониманию, почему же не понравилось: “Думаешь, – может быть, дурно переведено”.

Книги с оценками. Поклон советскому исследователю А. Шифману – он десятилетиями был единственным, кто изучал тему “Толстой и Индия”. Так, он собрал даже пометки Толстого на прочитанных им книгах.

“Удивительные изречения!.. Мудрец замечательный”. Это о подаренной ему книге П. Сергеенко “Изречения Шри Рамакришны Парамахансы”. Ещё записи: “Хорошая и интересная”, “Прелестная книга индийской мудрости”. “Книгу брамина, пожалуста, пришлите. Чтение таких книг – больше, чем удовольствие, это расширение души” и ещё, ещё подобное.

Как не выделить: он прочитал сразу несколько брошюр Свами Абхедананды и на каждой оставил следы наивнимательного чтения, а на обложке одной из них даже выставил отметку: “Превосходно”. Узнаём же, какие темы рассматривались в этих брошюрах: “Религия индийцев”, “Почему индеец отвергает новую церковность, хотя он и признаёт Христа?”, “Слово и крест в старой Индии”, “Почему индийцы – вегетарианцы”, “Божественная общность”, “Путь к блаженству”, “Философия добра и зла”, “Кто является спасителем душ?”, “Существует ли душа после смерти?” Толстой прочитал ещё одну книгу этого автора – “Философия Веданты, божественная истина человека” – и записал в дневнике: “Вечер читал книги об индусской вере. Одна превосходная книга о смысле жизни”.

Немало книг он рекомендовал прочитать своим добрым знакомым, к примеру, Максиму Горькому, и тот стал приобщаться к Индии.

Не надо, однако, думать, что всё, Толстым прочитанное, вызывало у него только восторг. Он пишет о книге одного знаменитого философа, да как своеобразно сопоставил со своими взглядами: “Основная метафизическая мысль о сущности жизни хороша, но всё учение – путаница, хуже моей”. Каково! Ещё запись по прочтении другого философа: “Читаю индуса. Очень остроумно, многословно и пусто...”

Книги, затребовавшие перевода. То, что особенно нравилось, Толстой намеревался переводить и издавать для России. Вот прочитал книгу философа Рамакришны и выбрал около ста его изречений и притч для перевода. Вот в издательство “Посредник” ушла просьба издать на русском некоторые брошюры Абхедананды. Или прочитал труды выдающегося мыслителя Вивекананды и сообщил одному востоковеду: “Мы готовим издание избранных мыслей Вивекананды, которого я очень ценю”. Кстати сказать, есть предположения, что этот самый Вивекананда намеревался посетить Ясную Поляну. Увы, не доехал. Классик французской литературы Ромен Роллан узнал об этом и выразил сожаление, что не случилось знакомства этих двух “ясновидящих религиозных гениев Европы и Азии”.

Не скрою: порядком удивился присутствию книги Елены Блаватской “Глас безмолвия” с отрывками из индийской “Книги золотых правил”. Да с надписью: “Графу Льву Николаевичу Толстому, одному из немногих, от автора Е. Блаватской”. Напомню: эта теософка, немало лет прожившая в Индии, также автор книги “Из пещер и дебрей Индустана”. Надо знать и о её попытках сблизиться с Толстым и том, что память о ней до сих пор в жерновах и славы, и поругания.

Пресса. В библиотеке 200 разных номеров газет и журналов из Индии. В том числе и газета, которую редактировал Ганди. Большинство из них так или иначе читаны. Маковицкий сохранил, к примеру, такой отзыв: “Л. Н. хвалил индийский журнал “New Reformer”...”

Все они стекались сюда в течение полутора десятков лет, с 1896 года. Но особо велико пополнение с 1906-го. Так, во всяком случае, установил библиовед Н. Гольберг – он первым исследовал фонд периодики этой библиотеки.

Для детей Ясной Поляны. Мне очень повезло: узнал, что толстовед Дм. Бурда разыскал в записных книжках Толстого мая 1907 года драгоценную для индоведов запись: “Читал об Индии. Нужна история детям”.

Что побудило? То, что Толстой стал получать индийский “Ведийский журнал”. И выявил немало для себя неожиданного. К примеру, что в древней Индии уже знали то, что ныне стало “теоремой Пифагора”. И отнёсся к этому с большим уважением. Писал: “Я покажу вам, как брамины доказывали Пифагорову теорему за сотни лет до Пифагора”. Не только писал. В мае 1910 года к нему пожаловали почти два десятка учащихся Тульского реального училища. Осталось от тех дней свидетельство: “Лев Николаевич поговорил с нами, показал Пифагорову теорему *“по-брамински”* и раздал свои книжки на память”. Ещё воспоминания: “Вечером пришёл С. Д. Николаев с двумя сыновьями, мальчиками тринадцати и девяти лет, удивительно милыми ребятами. Лев Николаевич объяснял им Пифагорову теорему *по-брамински”*”.

ТРИ СОВРЕМЕННОКА ОБ “ИНДИЙСКОМ” ТОЛСТОМ

Интересно познавать, что, оказывается, увлечённость Толстого Индией откликнулась у собратьев по перу.

Иван Бунин, будущий лауреат Нобелевской премии. Он в своём очерке “Освобождение Толстого” тему Индии так и начинает: “Вскоре после смерти Толстого я был в индийских тропиках...” В 1925 году печатает рассказ “Ночь”. В нём трижды воссоединяет в своих размышлениях имена Будды, Соломона и Толстого. Расценивает их “святыми” и “гениями”, однако же вдруг жестокая тирада: “Все Соломоны и Будды сперва с великой жадностью приемлют мир, затем с великой страстностью кланут его соблазны. Все они сперва великие грешники, потом великие враги греха, сперва великие стяжатели, потом великие расточители...”

Александр Куприн. И он тоже с необычным: “Я рассказал Льву Николаевичу случай с одной моей знакомой: медленно, верно и бесповоротно она губила себя, сама валила себя в могилу, чтобы удержать от падения свою подругу, всё равно обречённую жизнью. Рассказал я этот случай в наивном предположении, что он особенно будет близок душе Толстого, ведь он с таким умилением пересказывает легенду, как Будда своим телом накормил умирающую от голода тигрицу с детёнышами. И вдруг я увидел: лицо Толстого нетерпеливо и почти страдальчески сморщилось, как будто ему нечем стало дышать. Я был в полном недоумении. Но одно мне стало ясно: если бы в жизни Толстой увидел упадочника-индуса, отдающего себя на корм голодной тигрице, он почувствовал бы в этом величайшее поругание жизни, и ему стало бы душно, как в гробу под землёй”.

Константин Леонтьев. Он тоже проникся “индийскими” взглядами Толстого, но своеобразно. Не столько итогом научного осмысления, сколько чувствами. Прочтём же этот отзыв без купюр — он многословен, но выразителен: “Когда Тургенев (по свидетельству г-на П. Боборыкина) говорил так основательно и благородно, что его талант нельзя равнять с дарованием Толстого и что “Лёвушка Толстой — это слон”, то мне всё кажется — он думал в эту минуту особенно о “Войне и мире”. Именно — слон! Или <, если > хотите, ещё чудовищнее, — это ископаемый сиватериум во плоти, которого огромные черепа хранятся в Индии, в храмах бога Сивы (Шива. — **В. О.**). И хобот, и громадность, и клыки, и сверх клыков ещё рога, словно вопреки всем зоологическим законам. Или ещё можно уподобить “Войну и мир” индийскому же идолу — три головы или четыре лица и шесть рук! И размеры огромные, и драгоценный материал, и глаза из рубинов и бриллиантов, не только подо лбом, но и на лбу!! И выдержка общего плана, и до тяжеловесности даже неиссякаемые подробности...”

РАЗДЕЛ II. ПОЧЕМУ ИНДИЯ ЧТИТ ТОЛСТОГО?

Не часто сообщается у нас, что Толстому присваивают звание Махатмы. Да обоснованно! Это засвидетельствовал ученик прославленного философа Вивекананды и сам авторитетный учёный Б. П. Бхарати: “И таковым вы являетесь... Вы единственно подлинно великий человек в этом ослеплённом своим могуществом, высокомерном материалистическом Западе”.

Но почему Слово нашего творца нужно Индии как Дело? Далее два высказывания, которые я выбрал из множества, доказывают это. “Несколько ободрающих слов...” для Индии — об этом просит Толстого видный общественный

деятель А. Рамазесхан ещё в 1901 году. С этим же обращается в Ясную Поляну простой школьный учитель Г. Д. Кумар: “Умоляю от имени моих соотечественников помочь им”. Перед этим шли признания в почитании: “Вы родились русским, но Вам принадлежит весь мир. Вы великий человек, и Ваше величие проявляется в заботах об обездоленных”. И такое читал Толстой от этого учителя: “Народы Индии ещё более угнетены, чем русский народ”.

Лев Толстой не смог молчать-отмалчиваться.

Особое письмо. И ещё пример. 1908 год. Пришло в Ясную Поляну письмо Таракнатха Даса, редактора радикального издания “Фри Хиндустан” (“Свободная Индия”).

У письма потрясающая биография: и ответ пришёл, и был напечатан, и даже поначалу – как же интересно! – был запрещён. И – выделю! – обратил на себя внимание самого Ганди. Он этот ответ Толстого перепечатывает, явно желая преумножить число его учеников. Замечу: этот ответ числится в истории Индии в своде особо значимых документов.

Читаем: “Вы доставили величайшее благодеяние вашими литературными произведениями, посвящёнными России...”

Продолжение с просьбой: “Мы просим вас, если у вас есть время, написать хотя бы статью об Индии и этим выразить ваши взгляды на Индию...”

Шло обоснование: “Именем голодающих миллионов взываю к вашему христианскому чувству – возьмитесь за это...”

Британия предстаёт в этом письме: “Вы ненавидите войну, но голод в Индии страшнее всякой войны. Он происходит там не из-за недостатка продовольствия, а вызван ограблением народа и опустошением страны британским правительством. Разве это не позор, что миллионы людей в Индии голодают, а английские торговцы вывозят оттуда тысячи тонн риса и других продуктов питания?! Политика Британии представляет собой угрозу всей христианской цивилизации”.

Как писался ответ? “Письмо к индусу” – просто и обобщенно назвал Толстой свой ответ редактору “Фри Хиндустана” Дасу.

Поразило, с каким не просто воодушевлением, но и старанием взялся за ответ 80-летний старец – будто помолодел, готовясь разговаривать с Индией.

Громадное письмо: 13 страниц ёмкого в собрании сочинений шрифта. Писал полгода! Выходит, писал ответ не по наитию. О том, как он давался – нелегко! – записано несколько раз в дневнике. Например, 10 июня 1908 года: “Начал письмо к индусу, да запнулся”. Точка проставлена 14 декабря. То-то же в итоге – 413 страниц черновиков и исправлений по машинописным копиям! Любопытна такая запись в тот день, когда работал с переводом письма на английский: “Вечером картины Индии...” и “С индийскими картинами...” И оценка: “Очень хорошо”. Это ему показали диапозитивы одного путешественника.

Жил ответом не только за письменным столом. Маковицкий увековечил одну из бесед в те дни, когда Толстой работал над письмом: “Англичане как мучают индусов! Там сообщается, как англичане секли Вивекананду до крови...”

Что же в “Письме к индусу”? Здесь не только преклонение перед талантливейшим народом.

Наиглавное: он поддержал его стремления к свободе от англичан, да не вообще, а представил Индии свою необычную программу гражданского неповиновения: “Не противьтесь злу, но и сами не участвуйте во зле, в насилиях администрации, судов, сборов податей и, главное, войска, и никто в мире не поработит вас”.

Этот наказ стал одним из стержневых в той политике, которая привела Индию к свободе.

...Толстой давно был подготовлен воспринимать страдания индийцев под игом колонизаторов. Я разыскал тому доказательства. Спасибо Душану Маковицкому. Он запечатлевает один осенний, 1906 года толстовский монолог: “Я прочёл об Индии (в Лексиконе), что там делается, как англичане мошенничают! Раньше была в войске одна десятая англичан, теперь – треть. Сипай обходился в четыреста рублей, английский солдат – в две тысячи рублей в год. Земля принадлежала царькам, теперь – англичанам. Ни один индус не имеет земли. Должен за неё платить англичанам”.

Ещё запись столь же наиважная: “Л. Н. рассказывал, что компания английских торговцев покорила 250 миллионов людей. Как это могло случиться? Только так, что раджи и другие покорили тоже...”

Был у меня соблазн объяснить эту взволнованность всплеском старческой прочувственности.

Но отринул я этот домысел. У Толстого хватило знаний на самое серьёзное осмысление правления Англии. В 1900 году он написал статью “Рабство нашего времени”. Житель Ясной Поляны мыслит вселенскими масштабами: “Живут рабочие люди во всём мире не как люди, а как рабочий скот, которого заставляют всю жизнь делать то, что нужно не ему, а его угнетателям. И так живёт большинство людей во всём мире, не в одной России, а и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в Китае, и в Индии, и в Африке – везде”. Как видим, без Индии не обошлось.

Однако же когда он осознал зло для Индии от колонизаторов? Весна 1857 года – восстание сипаев. За кого Толстой? Записная книжка за март 1858 года. Запись – как выстрел: “бесчеловечье англичан”. Новая запись: “спокойно расстреляли” восставших.

Критика из Индии. Упрёком до сих пор – спустя многие десятилетия! – звучит мнение личного секретаря Тагора, авторитетного в Индии мыслителя и писателя Кришна Крипалани: “Я беру на себя смелость утверждать, что Индия более динамично вобрала в себя моральные принципы Толстого, чем любая другая страна мира, и даже родина писателя”.

Недавно выслушал продолжение от одного индийского учёного. Отлично знает нашу литературу. Учился в Москве. Ему рассказали о моих толстовско-индийских штудиях. Встретились – спрашивает:

– Так почему Толстой так интересовался Индией?

Сам же и ответил:

– Он стремился лучше понимать Индию, ибо искал истоки своего толстовского учения не только в России.

Соглашаюсь с ним. Он тогда:

– Так почему же в вашей стране мало пропагандируется эта связь?

И в самом деле: почему?

РАЗДЕЛ III. МАХАТМА ГАНДИ – МАХАТМА ТОЛСТОЙ

Он начальник партии, борющейся против Англии. Он сидел в тюрьме...

Из высказываний Толстого о Ганди

Я усиленно изучал произведения Толстого...

Из высказываний Ганди о Толстом

Итак, случилась переписка двух корифеев. Об этом охотно сообщается одной-двумя строчками-фразами по поводам, праздничным для межгосударственных отношений наших стран. Однако таковые упоминания невольно привели к благостности, к упрощениям: один-де изрекал мудрые советы – другой их мудро воспринимал.

А противопоставить нечего. Многие ли читали саму переписку? Замалчивание начинается уже со школы.

КОГДА ГАНДИ УЗНАЛ ТОЛСТОГО?

Не внезапной стала тяга Ганди к общению с Толстым. Позже он вспоминал, что первый раз взялся его читать в молодости, студентом. Толстой узнал об этом: “Он мне пишет, что был со мной в отношениях, когда учился в Лондоне”.

Однажды у него спросили – для печати, – как он относится к Толстому? Последовал ответ: “Отношения преданного почитателя, который обязан ему многим в жизни”.

Что же потянуло для начала? Обзавожусь книгой Ганди “Моя жизнь”. Здесь не раз упомянуто имя Толстого. Есть и такое признание: “Его книги произвели на меня сильное впечатление. Я всё глубже понимал безграничные возможности всеобъемлющей любви”.

А сколь трогательно признание: “Когда я переживал тяжелейший приступ скептицизма и сомнений, я прочитал книгу Толстого “Царство Божие внутри нас”, и она произвела на меня глубочайшее впечатление. В то время я был поборником насилия, книга Толстого излечила меня от скептицизма”.

Индологи выявили, что же читал Ганди из Толстого. Это, помимо названного, ещё немалое число сочинений. И “Много ли человеку земли нужно?”, — как выразился Ганди, “о всеобщей любви”, он даже перевёл этот рассказ. И “Бог правду видит, да не скоро скажет” (Ганди и это перевёл и издал со своим предисловием). И “Что такое искусство?”, “Краткое Евангелие”, “Так что же нам делать?”, “Письмо к русским либералам”, “О жизни”, “Исповедь” и ещё несколько. Читал даже статьи о вегетарианстве “Первая ступень” и о вреде курения и пьянства “Зачем люди одурманиваются?”

Три принципа. Что же стало для Ганди лекарством для избавления от скептицизма?

— Великая идея Толстого — “труд ради хлеба насущного”, “каждый в поте лица зарабатывает свой хлеб”;

— Толстой полагал лицемерием и мошенничеством все проекты по облегчению жизни бедствующих масс за счёт филантропии богатых, наслаждающихся роскошью и праздностью; пусть слезут с хребта бедняков, говорил он;

— С Запада в нашу страну хлынул поток литературы, заражённый вирусом потакания человеческим слабостям, она преподносится в броской привлекательной форме, поэтому наша молодёжь должна быть начеку, как никогда... Важнее всего, чтобы для молодёжи, особенно индийской, стало примером самоограничение Толстого...

ПИСЬМА ОТ ГАНДИ

Чем Ганди выразил себя в самом первом своём письме Толстому 1 октября 1909 года? Полным доверием: “Я, абсолютно не известный вам человек, осмеливаюсь обратиться к вам с этим письмом ради истины и с целью услышать ваш совет относительно тех вопросов, решение которых вы сделали задачей вашей жизни”.

Главная тема первого письма. Ганди выбрал для заочной беседы с Толстым самое насущное для тогдашней Индии — как быть, если сопротивление Англии не даёт результата: “Мы поняли, что борьба затягивается в зависимости от нашей слабости”.

Толстой откликнулся: “Ганди говорит англичанам: “Вы с нами ничего не сможете сделать, если мы вам не будем помогать”.

Каким же был главный совет? Толстовским: “Та же борьба мягкого против жёсткого, смирения и любви против гордости и насилия с каждым днём всё более проявляются и у нас”.

Ганди заявляет желание напечатать “Письмо к Индусу” огромным по тем временам тиражом — 20 000. Толстой — за: “Переводу на индусский язык своего письма и распространению могу только радоваться”.

Дописал: “Помогай Бог нашим дорогим братьям и сотрудникам...”

Второе письмо Ганди. Напомню, что оно пришло в Ясную Поляну в апреле 1910 года вместе с книгой самого автора.

Ганди предупредил: “Правительство Индии конфисковало книгу”. Так Толстой становится хранителем нелегальщины, крамолы.

Ещё строчки: “Посылаю вам также несколько копий с вашего письма к индусу, которое вы разрешили опубликовать”. Выходит, что не медлил Ганди с напечатанием послания Толстого. До этого оно ходило в Индии лишь переписанным от руки. Как было встречено — чуть попозже.

Толстой усаживается за ответ: “Я прочёл вашу книгу с величайшим интересом, так как я думаю, что вопрос, который вы в ней обсуждаете, — пассивное сопротивление — вопрос величайшей важности не только для Индии, но и для всего человечества”.

Третье обращение Ганди. В новом письме сообщение: “Очень благодарен вам за ваше ободряющее и сердечное письмо... Я весьма ценю ваш общий отзыв о моей брошюре “Indian Home Rule” (“Самоуправление в Индии”, — В. О.) и буду у ожидать, что, когда у вас найдётся время, вы выскажетесь о моей работе более подробно, как вы были столь добры обещать мне это сделать в своём письме”.

И третий ответ Толстого Индии последовал, но недоумеваю — отчего о нём в наши времена почти не сообщается. Ответ в следующей главе.

НЕОЖИДАННЫЙ ВЕРДИКТ ТОЛСТОГО

Яснополянец продолжал познавать учение Ганди: “Читал книгу о Gandhi. Оч^{чень} важная. Надо написать ему...” Это из дневника “индийского” апреля 1910 года.

Отклик на третье письмо Ганди. Напомню: это о нём я сообщал в предыдущей главе.

Выделю: этот ответ заметно отличается от первых посланий к Ганди. Чем? Непреложностью выводов, может, даже ультимативностью. Будто и не Толстой — “непротивленец” — писал: “Вопрос теперь стоит очевидно так: одно из двух — либо признать то, что мы не признаём никаких религиозно-нравственных учений и руководствуемся в устройстве нашей жизни одной властью сильного, или то, что все наши, насилуем собираемые подати, судебные учреждения и, главное, войска должны быть уничтожены...”

В статье “Рабство нашего времени” так же: “Улучшение положения людей возможно только при уничтожении насилия”.

Что отложилось главным? Письма и книга от Ганди позволили Толстому уловить суть учения Ганди. Написал: “Глубокое осуждение, с точки зрения религиозного индуса, всей европейской цивилизации... Его презрение к отношению белых к цветным людям. Кроме того, он проповедует, что самое действительное противодействие — это пассивное... В Индии происходит борьба с владичеством английским, указывает на своё моральное превосходство...”

Он соглашается с Ганди: “Высокоодарённый и духовными, и телесными силами народ находится во власти совершенно чуждого ему небольшого кружка людей, стоящих в религиозно-нравственном отношении неизмеримо ниже тех людей, над которыми они властвуют”.

Он недоумевает, когда прочитывает одно из наблюдений Ганди: “Говорит, что англичане прекрасные люди, не надо бороться с ними, но отвратительна цивилизация, которой они исполнители”.

Он против англоненавистничества как такового: “Следует помогать им (англичанам. — **В. О.**) во всём, что ведёт к цивилизации вашего народа”.

Он советует бороться с отжившими взглядами: “Мне кажется, что долг каждого образованного индуса состоит в том, чтобы уничтожить все старые суеверия”.

Делится наиважным наставлением: “Социализм, коммунизм, анархизм, армия спасения, увеличивающаяся преступность, безработность населения, увеличивающаяся безумная роскошь богатых и нищета бедных, страшно увеличивающееся число самоубийств — всё это признаки того внутреннего противоречия, которое должно и не может быть разрешено”.

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ КУМИРА?

Ганди давно уже отнюдь не ученик начальной школы, чтобы зазубривать наставления Толстого. Ценит, но и оценивает...

Агитация за Толстого. Индийский собеседник Толстого полон желаний вербовать в своей стране новых учеников русского мудреца: “Критики Толстого писали порой о том, что он потерпел в жизни крах, что он так и не осуществил свой идеал — не нашёл таинственной зелёной палочки, которую искал всю жизнь. Я не согласен...”

Есть и такое обобщающее высказывание о том, как и чем оказывал Толстой свое влияние на Индию: “Россия дала в лице Толстого учителя, который подвёл убедительный базис под мой ненасильственный метод. Толстой благословил моё движение в Южной Африке, когда оно было в зачатии, и удивительные возможности которого я ещё должен был изучить. Именно он предсказал в письме ко мне, что я руковожу движением, которому суждено выразить надежды угнетённых народов мира”.

После таких цитат вроде бы неминуем порыв бить в торжествующие литавры — вот, мол, каковы плоды содружества двух махатм.

Однако же — повторю — их воззрения не втискиваются в придуманные для праздников лозунговые умозаключения. О чём речь?

Неожиданный вывод. Ганди в своей книге “Моя жизнь” 1921 года вывел: “Толстой сам писал о своих неудачах. Но это лишь подтверждает его величие. Возможно, Толстой так и не осуществил своей мечты, но такова участь человека”.

Дальше – больше: “Толстой часто оказывался непоследовательным потому, что ему было тесно в рамках собственного Учения. О его неудачах знали все, о его душевных муках и победах над собой – он один”.

Ганди заявил даже, что не является последователем политических идей своего наставника.

Не станем, однако, пугаться этого отзыва. Он ничуть не противоречит всем ранее высказанным восторженным оценкам, да это и не отступничество. В нём – логика освободительного движения. Ганди становится лидером партии Национальный конгресс. И его левое крыло во главе с будущим премьер-министром Дж. Неру требовало начинать борьбу не только с манифестами на устах, но и с оружием в руках.

И разве могло быть иначе? Толстой остался духовным апостолом идей освобождения – Ганди становится руководителем освободительного движения.

Итак, Толстой для Индии, как я выяснил, не икона, но, однако, и не крышка на гроб забвения. Есть у Ганди такое заявление о Толстом: “Он был велик даже в своих заблуждениях, и они являются критерием не тщетности его идеалов, а его успехов”.

РАЗДЕЛ IV. СОВЕТЫ ВНУКА ТОЛСТОГО

Уж почти к 30 лет, как взялся я за тему “Толстой и Индия”. Но как новичку без поддержки именитых? В их числе был внук Толстого.

Илья Толстой (1930–1997), профессор-филолог МГУ. Прямой потомок творца. В 1991-м я отправил ему в Ясную Поляну на рецензию первый вариант этого очерка. Наслышан был не только о его знаниях-эрудиции, но и придирчивости. Он не терпел искажений наследия своего предка. В ответ отзыв: “Автор сделает достоинством читателя один из интересных аспектов деятельности Л. Н. Толстого. Автор справедливо отмечает малую изученность темы “Толстой и Индия” и убедительно доказывает необходимость обращения к ней...”

Мечтания об особой книге. Продолжу тему из предисловия: доступен ли ныне “индийский” Толстой своим соотечественникам?

Перебираю библиографические карточки в каталоге главной нашей библиотеки – Ленинки. Сколько же книг о Толстом биографических с географическими замыслами: “Толстой и Украина”, и далее, далее – Болгария, США, Япония, Китай, Германия и ещё, ещё, ещё. Немало книг в конструкции “Толстой и Москва” и далее Петербург, Тула, Чечня и Ингушетия, Орёл и ещё, ещё. Много сулит каталог по знакомству с такими темами, как, например, Толстой и шахматы, или охота, или царская власть, или музыка, медицина, педагогика, войны, христианская этика и духоборство. Ясное дело, есть издания “Толстой и вегетарианство” и даже “Толстой и пьянство”.

А сколько книг о том, что значили друг для друга Толстой и Индия. Ни одной для массового читателя! Учёным повезло – две книги для них, как уже писал. Это “Толстой и Индия” А. Шифмана и “Зеркало русского индуизма, неизвестный Лев Толстой” Д. Бурбы. И даже статей в научных изданиях всего-то, если не ошибаюсь, можно обойтись счётом пальцев на одной руке. Очень интересны исследования И. Серебрякова и А. Соколовского. В 2000-м вышло пополнение: Е. Петрова защитила кандидатскую диссертацию “Российско-индийские исторические связи...” Писала по фондам архивов Толстого и музея-усадьбы “Ясная Поляна”. А как не выделить раздел “2.3. Толстой в Индии” в книге “Образ России...” Т. Загородниковой, В. Кашина и Т. Шаумян? Но, увы, тираж её 200 (!) экземпляров.

Не припомню чего-либо привлекательного на ТВ или в массовых газетах-журналах по этой теме...

Как же недостаёт России книги-антологии “Толстой и Индия”! Вот бы собрать все его статьи, переписку, переводы, любые высказывания об Индии и её духовном мире! Появилась бы впечатляющая хрестоматия дальноразоркой – на века! – мудрости нашего творца, решившего стать посредником меж двумя великими народами. Умный комментарий тем более сделает такую книгу выдающимся просветительским событием, и не только для России и Индии.